

УДК 378:78/79-054.6(47+57)''196/198''(045)

Н.В. Белошанка

ПОЗДНЕСОВЕТСКИЕ ПРАКТИКИ ПОДГОТОВКИ ИНОСТРАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОБМЕНОВ В ОБЛАСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ИСКУССТВА

В статье изучены сюжеты, связанные со сложившейся в СССР практикой подготовки иностранных специалистов в области сценического и музыкального искусства. Автором представлены данные, касающиеся периода второй половины 1960-х – первой половины 1980-х гг., которые позволяют определить динамику численности учащихся из зарубежных стран, а также наиболее приоритетные направления подготовки, выбираемые иностранными студентами и стажерами. При изучении обозначенных проблем использовались преимущественно архивные материалы Министерства культуры СССР, а также опубликованные документы отдела культуры ЦК КПСС. Из анализа целого ряда кейсов можно заключить, что в рассматриваемый период образовательный обмен в сфере профессионального искусства являлся не только одним из приоритетных пунктов соглашений о культурном сотрудничестве, но также стал основной формой подготовки иностранных специалистов, преимущественно через систему стажировок.

Ключевые слова: творческие вузы, сценическое и музыкальное искусство, высшее профессиональное образование в СССР, иностранные стажеры, межгосударственный образовательный обмен.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-3-627-640

Одним из направлений санкционной политики по отношению к России со стороны стран «коллективного Запада» стало приостановление участия нашей страны в Болонской системе. В этих условиях значительная часть российского научного и образовательного сообщества не восприняла сложившуюся ситуацию как трагедию, а наоборот, высказалась за то, что данное обстоятельство позволит России вернуться к национальной системе высшего образования. В связи со сложившимся положением полезно вспомнить события десятилетней давности, когда в стране развернулись общественные дискуссии вокруг необходимости реформирования системы подготовки специалистов. Тогда особую активность в противодействии реформированию сложившейся образовательной системы проявили известные деятели культуры, которые в той или иной степени были причастны к процессу подготовки кадров. В качестве основного аргумента в пользу исключения творческих вузов из общих правил Болонского процесса выступало качество подготовки специалистов в сфере искусства, которое подтверждалось востребованностью наших выпускников на мировом рынке труда, а также притоком в российские учебные заведения иностранных студентов. Следует также напомнить, что большинство ректоров ведущих образовательных учреждений культуры высказывались в том смысле, что разрушение одноуровневой системы образования, сокращение сроков обучения, и главное, потеря его непрерывности повлечет за собой снижение качества подготовки выпускников. При этом некоторые ссылались на положительный опыт советской образовательной системы, которая в свое время по многим профессиональным направлениям успешно конкурировала с образовательными системами ведущих зарубежных стран.

Действительно, Советский Союз имел развитую и эффективную систему образования, включавшую также отлаженный механизм подготовки кадров для зарубежных партнеров. Стоит отметить, что иностранную молодежь привлекало не только качество советского образования, но и его относительная финансовая доступность. Начиная с 1960-х гг., советское образование было востребовано в первую очередь развивающимися странами, особенно теми, кто намеревался «идти по пути социализма», поскольку в этом случае можно было рассчитывать на льготное получение необходимой квалификации.

Следует сказать, что в отечественной исторической науке существует целое направление, изучающее проблему обучения иностранцев в СССР, причем большинство работ посвящено рассмотрению вопроса подготовки кадров для стран Азии, Африки и Латинской Америки [1; 2]. В процессе обретения независимости и становления собственной государственности система высшего образования в странах данных регионов еще отсутствовала, и новые государства зачастую не имели возможности самостоятельно готовить специалистов.

Одним из первых комплексных исследований по проблеме подготовки иностранных специалистов в 1960–1980-е гг. стала диссертация В.А. Белова [5]. В ней автор выявляет не только причины роста иностранного контингента в образовательных учреждениях СССР, но также отслеживает процесс увеличения количества вузов, в которых проходили обучение граждане из других стран. Отметим также, что появление новых форм и методов обучения в монографии связывается не только с притоком иностранных студентов, но также и с возрастающей конкуренцией с капиталистическими странами, для которых подготовка кадров была одной из форм осуществления контроля над политической элитой бывших колоний и экономически зависимых стран [5, с. 74].

В качестве новых форм образования, появившихся в СССР в 1970–1980-е гг., выделяется прием иностранных абитуриентов сразу на старшие курсы для прохождения специализации, а также появление магистратуры. Автор связал введение такой сокращенной формы обучения с адаптацией Минвуза СССР к новым международным требованиям, предъявляемые к специалистам высшей квалификации [5, с. 152].

Другая группа работ представлена исследованиями, посвященными изучению конкретных учебных заведений, в которых практиковалась подготовка кадров для зарубежных стран [11]. Ценность данных исследований заключается в том, что они позволяют отследить процесс обучения иностранцев в СССР по отдельным профессиональным направлениям.

Несмотря на обширную историографию проблемы, дальнейшее изучение советского опыта подготовки иностранных специалистов, а также опыта организации образовательных обменов, представляется исключительно важным, учитывая не только возможные перспективы обращения к собственной образовательной системе, но также снижение интереса к нашей стране как месту получения высшего образования. Как свидетельствуют опросы, проводимые среди иностранных студентов в последние годы, спад интереса к российской образовательной системе наблюдается даже со стороны сопредельных государств постсоветского пространства¹. Конечно, связывать отсутствие интереса к возможности получения высшего образования в российских вузах исключительно с утратой престижности системы образования в нашей стране, было бы не верно. По-прежнему имеет значение и зарубежная конкуренция, а также громадный ущерб имиджу России, который явился следствием политической конфронтации и информационной войны. В этой связи весьма актуальным выглядит сегодня интервью председателя Общесоюзного совета по делам иностранных студентов, которое он дал корреспонденту издания «Аргументы и факты» во второй половине 1980-х гг. Указывая на необоснованность критики результатов подготовки иностранных специалистов в СССР, он связал ее с международной конкуренцией: «В западных странах зачастую намеренно говорили о невысокой профессиональной квалификации выпускников-иностранцев... В отдельных странах, из-за политических соображений, создавались дополнительные трудности при трудоустройстве наших выпускников, что к профессиональной квалификации не имело отношения...». Далее аргументируя неправоту низкой оценки системы подготовки иностранных специалистов в Советском Союзе, он резонно заметил: «Если бы наш советский диплом не котировался, то не было бы желающих его получить. Но, как правило, наши возможности подготовки не удовлетворяли имеющийся спрос. Множество заявок из зарубежных стран, в том числе из ведущих капиталистических, на обучение по отдельным специальностям, по различным причинам оставались не удовлетворенными» [4].

Не секрет, что для иностранцев особенно высока была престижность советского образования в области различных направлений исполнительского искусства. Здесь важно подчеркнуть, что по другим гуманитарным, естественным и техническим направлениям подготовки, количество студентов, например, из стран «народной демократии» в советских образовательных учреждениях уже к началу 1960-х гг. стало сокращаться. Основной причиной подобной ситуации можно назвать формирование у них собственной системы высшего образования, которая вполне удовлетворяла потребности подготовки специалистов. В то же время ведущие творческие вузы Москвы и Ленинграда, а также столичные вузы некоторых союзных республик по-прежнему оставались востребованными для молодежи из европейских социалистических стран. Обучение их осуществлялось преимущественно через механизм образовательных обменов, если речь шла о студентах и систему стажировок, в случае обучения специалистов.

¹ См., напр.: «Образ России в сознании молодежи постсоветских стран. Опыт социологической оценки // Контуры глобальных трансформаций. Т. 14. № 5. 2021 С. 212–230.

Хронологически автором сознательно выбран период интенсификации обменов на межгосударственной основе. Данный процесс происходил на фоне расширения сотрудничества прежде всего внутри т. н. «восточного блока», а также между СССР, США и другими капиталистическими странами. Известно, что в период «разрядки международной напряженности» некоторые советские высшие учебные заведения устанавливали прямые связи с университетами стран Запада, и на основе соглашений о культурном и научном сотрудничестве осуществляли обмен студентами, стажерами и преподавателями.

В предлагаемой статье речь пойдет о принципах отбора и дальнейшего прохождения иностранцами обучения в области сценического и музыкального искусства. Как представляется, данные виды профессионального искусства имели наибольшую востребованность у иностранных граждан. Важно указать, что большая часть студентов и стажеров обучалась по двухсторонним межгосударственным соглашениям о культурном и научном сотрудничестве. В этой связи предполагается также подробно рассмотреть практику организации образовательных обменов между советскими творческими вузами и ведущими образовательными учреждениями отдельных социалистических стран.

Начать, вероятно, следует с выявления динамики численности иностранных студентов, аспирантов и стажеров, обучающихся и проходящих стажировку в творческих образовательных учреждениях СССР. Динамика численности наглядно показывает, что в рассматриваемый период приток иностранных студентов и стажеров существенно увеличился, причем не только из социалистических и развивающихся стран, но и из развитых капиталистических государств. Здесь стоит напомнить, что во второй половине 1960-х гг. большинство ведущих столичных образовательных учреждений перешли в компетенцию Министерства культуры СССР [6, с. 54]. Именно поэтому основная часть источников информации о численности иностранных студентов и стажеров представлена документами Управления кадров и учебных заведений союзного министерства культуры. Ниже, в табл. № 1, приводятся сведения о численном составе иностранных граждан, обучающихся в учебных заведениях, которые находились в подчинении Министерства культуры СССР с 1965 по 1975 гг. Данные представлены в соотношении количества студентов, аспирантов и стажеров из капиталистических и социалистических стран в разные годы [9, оп. 48, д. 110, л. 1–2].

Таблица 1

**Динамика численности иностранцев, находящихся на обучении в системе
Министерства культуры СССР**

год	капиталистические страны	социалистические страны
1965	50	284
1966	50	292
1967	52	310
1968	50	284
1969	51	308
1970	61	373
1971	57	378
1972	54	394
1973	49	463
1974	53	521
1975	59	600

Помимо отчетов, содержащих общие сведения о численности иностранных студентов, аспирантов и стажеров, существуют документы, составление которых не имело определенной периодичности. При этом сведения, содержащиеся в них, исключительно важны, поскольку подтверждают и конкретизируют те, которые приводятся в специальных отчетах о численности контингента. Например, существует справка Управления кадров и учебных заведений Министерства культуры СССР о работе с иностранными студентами и стажерами, в которой указана их численность на первое декабря 1967 г. В соответствии с данным документом, в учебных заведениях и учреждениях культуры обучались и стажировались 476 чел. из 50 стран [9, оп. 48, д. 15, л. 1]. Подавляющее большинство студентов и стажеров было принято на обучение из социалистических стран, и цифра 310 чел. соответствует той, что приводится в сводной таблице. При этом в справке отмечалось, что особенно увели-

чился прием на стажировку из ВНР и ЧССР, что подтверждается соотношением данных с численностью стажеров в предшествующие годы. Если 1965 г. по линии Министерства культуры СССР на обучении находились всего три стажера из Венгрии и пять стажеров из Чехословакии, в 1966 г. – два и девять соответственно, то в 1967 г. – уже 19 и 16 чел. [9, оп. 48, д. 15, л. 1].

Что касается развивающихся стран, то численность обучающихся из стран Азии, Африки и Латинской Америки составила в 1967 г. 114 чел. При этом сотрудниками Управления указывалось на увеличение приема абитуриентов из Афганистана, Сирии и Мексики [9, оп. 48, д. 15, л. 1].

Отдельно называлось общее число обучающихся из капиталистических стран – 52 чел., что также соответствует данным, приведенным в таблице. В отношении капстран отмечалась другая тенденция – появление стажеров из тех стран, из которых ранее обучающихся не поступало: Непал, Дания и Нидерланды [9, оп. 48, д. 15, л. 1].

Необходимо отметить, что если за 1967 г. данные, приводимые в справке Управления, сходятся с данными, приведенными в итоговом отчете, то по другим периодам не все цифры удалось соотнести. Например, обращает внимание несоответствие численности обучающихся за 1973 г. В справке указывается, что на декабрь 1973 г. в учебных заведениях союзного министерства культуры обучалось и проходило стажировку 612 чел. из 50 стран, в том числе: из социалистических – 463, из развивающихся – 119 и из капиталистических – 29 [9, оп. 48, д. 61, л. 4]. В таблице же цифра обучающихся из капиталистических стран на этот же 1973 г. – 49 чел. Можно предположить, что около 20 стран, которые в справке «проходят» как развивающиеся, в сводной таблице посчитаны как капиталистические. Отчасти это предположение подтверждается другим документом, в котором представлены данные о численности иностранных студентов и стажеров по конкретным странам. Несмотря на то, что в нем нет данных за 1973 г., сам принцип отнесения, скажем, Аргентины к группе капстран имеет определяющее значение для нашего предположения.

Таблица 2

Динамика численности иностранцев из капстран

страна	1965	1966	1967	1968	1969	1970	1971	1972
Австрия	0	1	1	1	0	1	2	2
Австралия	1	3	3	3	3	1	0	0
Англия	2	4	5	5	4	6	4	3
<i>Аргентина</i>	0	0	0	0	0	3	3	1
Бельгия	1	1	1	1	2	1	1	1
Испания	0	0	0	0	1	1	1	0
Канада	10	11	16	0	0	0	0	2
США	3	3	2	3	0	2	4	3
Япония	8	14	12	9	3	4	0	1

Таблица 3

Динамика численности иностранцев и соцстран

страна	1965	1966	1967	1968	1969	1970	1971	1972
НРБ	79	87	64	67	74	72	72	83
ВНР	3	2	19	10	13	15	17	19
ГДР	19	21	19	17	8	10	17	20
КНР	5	0	0	0	0	0	0	0
КНДР	0	0	0	0	0	0	0	0
Куба	8	8	15	8	7	10	10	5
МНР	97	83	99	69	79	105	115	110
ПНР	28	32	31	23	26	24	20	24
СРР	2	1	1	3	2	6	10	6
СФРЮ	8	16	12	10	18	20	24	23
ДРВ	30	31	34	60	60	90	69	78

Итак, в табл. 2 и 3 представлены данные из сводного отчета Управления кадров и учебных заведений Министерства культуры СССР о численности обучающихся по отдельным странам с 1965 по 1972 гг. [9, оп. 48, д. 110, л. 3–4].

Как видно из приведенных данных, самое большое количество студентов и стажеров направлялось из Болгарии, Монголии и Вьетнама. По известным причинам полностью отсутствовали студенты из Китая и Северной Кореи.

Далее следует обратиться к выявлению динамики ежегодного приема. В справке представлены данные за четыре года. Так, в 1967 г. было принято на обучение и стажировку 178 чел. [9, оп. 48, д. 15, л. 1], в 1970 г. – 223, в 1971 – 219, в 1972 – 235. Указывается также, что в 1972 г. из 235 чел. 172 были представителями социалистических стран, а 63 – развивающихся [9, оп. 48, д. 53, л. 1]. При этом наибольшее количество иностранных граждан в этом году приехало обучаться опять-таки из Болгарии – 45, Вьетнама – 34 и Монголии – 32. Менее всего из Кубы – 2 и Румынии – 3 [9, оп. 48, д. 53, л. 1]. Обращалось также внимание на то, что сократился прием иностранных студентов из развивающихся стран из-за событий на Ближнем Востоке и в Чили [9, оп. 48, д. 61, л. 4].

Очевидно, что студентов и стажеров из капиталистических стран в 1972 г. не поступало, однако отмечалось количество обучающихся, которые заканчивали свое обучение в Советском Союзе. Так, из Финляндии проходили обучение 9 чел., из Англии – 2 чел., из Франции – 3 чел., из Бельгии, Японии и Швеции по 1 чел. [9, оп. 48, д. 53, л. 1].

Важно отметить, что руководству Министерства культуры СССР сотрудниками Управления кадров и учебных заведений предоставлялись данные не только о численности иностранных студентов, но также данные о тех направлениях обучения, которые являлись наиболее востребованными для иностранных граждан. Если верить информации Управления, то в 1972 г. подавляющее большинство иностранцев обучалось по специальности «музыка». Так, 237 чел. учились на скрипичном и фортепьянном отделениях. Вторая по востребованности специальность была определена как специальность «хореография», по которой обучалось 79 чел. Примерно равное количество студентов и стажеров обучалось по специальностям «режиссура» – 47 чел. и «живопись» – 40 чел. [9, оп. 48, д. 15, л. 2].

Надо сказать, что общий анализ востребованных специальностей подтверждался и данными по отдельным учебным заведениям. В феврале 1974 г. Управление кадров и учебных заведений подготовило справку о результатах проверки учебно-воспитательной работы с иностранными учащимися в Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского. В приведенном документе давалась как совокупная численность обучающихся иностранцев, так и численность студентов и стажеров по отдельным направлениям обучения. Из 112 иностранцев, обучавшихся в Московской консерватории, 89 чел. представляли социалистические страны, 11 – развивающиеся и 12 – капиталистические. При этом было специально отмечено, что если в 1964 г. в Московскую консерваторию приезжали на обучение представители всего 17 стран, то в 1974 г. уже 27 стран [9, оп. 48, д. 85, л. 7]. Иными словами, за десять лет география стран, из которых приезжали учиться в столичную консерваторию, существенно расширилась.

Кроме того, в справке было также указано точное количество студентов, аспирантов и стажеров. В общей сложности прием 1973–1974 гг. составил 60 чел. [9, оп. 48, д. 85, л. 7], а всего на этот год обучалось 67 студентов, 40 аспирантов-стажеров, 3 стажера и 2 аспиранта [9, оп. 48, д. 85, л. 6]. Таким образом, кроме трех стажеров, которые, вероятно, прибыли вследствие договоров о взаимном обмене, остальные проходили полный курс вузовской и послевузовской подготовки.

Анализ востребованных направлений показывает, что в Московской консерватории иностранцы проходили обучение на четырех факультетах: оркестровом, вокальном, фортепьянном и теоретико-композиторском. Более всего обучающихся получали квалификацию на оркестровом факультете – 67 чел., а также фортепьянном – 31 чел. Относительно небольшое количество студентов училось на теоретико-композиторском – 10 чел., и менее всего на вокальном – 4 чел. [9, оп. 48, д. 85, л. 7]. Специфика документа свидетельствовала о том, что такой подробный анализ был обусловлен проверкой учебной и воспитательной работы в консерватории, к которой, вероятно, имелись претензии.

Другого рода документы, на основании которых можно выявить динамику численности как студентов, так и востребованных направлений обучения, представлены отчетами вузов, подготовленными к каким-либо знаковым событиям. Например, справка, составленная руководством Государственного института театрального искусства им. А.В. Луначарского (ГИТИС) для Министерства культуры СССР и Всероссийского Театрального Общества к дням болгарской культуры. В справке

приводятся данные о том, что наибольшее количество иностранных студентов обучалось в институте на двух факультетах: театроведческом и хореографическом². Далее дается численность иностранных студентов по этим факультетам, правда за различные периоды. В табл. № 4 приводится количество иностранных театроведов, выпущенных факультетом за период с 1967 по 1974 гг., а также балетмейстеров, выпущенных факультетом с 1961 по 1969 гг. [8, оп. 9, д. 36, л. 3–4].

Таблица 4

Количество специалистов, подготовленных ГИТИС

факультет	год									
	1961– 1966	1963– 1966	1964– 1969	1967– 1968	1968– 1969	1969– 1970	1970– 1971	1971– 1972	1972– 1973	1973– 1974
хореографический	8	12	13							
театроведческий				9	16	17	19	28	20	15

Поскольку сведения должны были касаться преимущественно болгарских студентов, аспирантов и выпускников, то основная информация в документе была посвящена именно им. Прежде всего называлось количество обучающихся из НРБ в текущем 1974 г. Их было 7 чел. (5 студентов и 2 аспиранта-заочника) [8, оп. 9, д. 36, л. 2]. Однако более интересные сведения касались того, какое количество специалистов ГИТИС подготовил для Болгарии в период с 1961 по 1974 гг. и по каким направлениям. Исходя из тех данных, которые приводятся в справке, за этот период было подготовлено театроведов – 7 чел. и балетмейстеров – 6 чел. [8, оп. 9, д. 36, л. 3–4]. В общей же сложности ведущий московский театральный институт подготовил для НРБ свыше 70 специалистов, которые теперь работали в качестве преподавателей болгарского театрального института или на болгарском телевидении. [8, оп. 9, д. 36, л. 2].

Отталкиваясь от приведенных выше данных, логично перейти к вопросу трудоустройства выпускников у себя на родине. Здесь приходится вновь обратиться к справке Управления кадров и учебных заведений Министерства культуры СССР об учебно-воспитательной работе с иностранными учащимися. На этот раз справка касалась не консерватории, а некоторых других творческих вузов и была составлена в 1973 г. В документе помимо всего прочего указывалось, что главными балетмейстерами ведущих театров Бухареста, Праги, Лодзи, Белграда работают выпускники балетного отделения ГИТИСа и Ленинградской консерватории им. Римского-Корсакова. Кроме того, отмечалось также, что студенты-выпускники впоследствии возвращаются на повышение квалификации в форме стажировки или ассистентуры-аспирантуры [9, оп. 48, д. 61, л. 2]. Заметим, что в отношении иностранцев именно для бывших студентов был закреплён приоритет в возможности последующего прохождения стажировок.

Надо сказать, что успешная реализация у себя на родине специалистов, подготовленных в СССР, имела место не только в отношении студентов и стажеров из соцстран. Так, стажеры из Индии Майя Рао и Шиви Шанкар, проходившие стажировку в ГИТИС в середине 1960-х гг., после возвращения из Союза, работали: она – директором хореографического института в Дели, он – руководителем балета в национальном театре. При этом отмечалось, что оба «выстраивают учебные занятия и балетмейстерскую работу по методике, разработанной ГИТИС» [8, оп. 9, д. 190, л. 12].

Одним из наиболее важных вопросов подготовки кадров являлся вопрос, связанный с тем каким образом осуществлялся отбор претендентов на обучение в СССР. Для этого необходимо напомнить об общем механизме приема, предусмотренного для иностранцев, без относительно того, какое именно направление подготовки они выбирали.

В середине 1960-х гг. в системе Министерства высшего и среднего образования СССР было сформировано специальное Управление по обучению студентов аспирантов и стажеров зарубежных стран (УПОИС). На данное структурное подразделение возлагались задачи организации приема, зачисления, перевода и отчисления студентов, а также организация их производственной практики.

В это же время в отраслевых министерствах, в том числе и Министерстве культуры СССР, были созданы специальные подразделения по работе с иностранными студентами, которые должны бы-

² Кроме указанных двух отделений, иностранцы обучались еще на режиссерском факультете ГИТИС.

ли координировать свою работу с УПОИС. При этом конкретная регламентация форм и методов обучения должна была осуществляться ведомственными актами союзного министерства культуры. Анализ архивных документов показал, что основную задачу информирования УПОИС по вопросам приема и обучения иностранных студентов и стажеров со стороны Министерства культуры выполняли его подразделения: Управление кадров и учебных заведений, а также по некоторым вопросам информация исходила от Управления внешних сношений.

В 1969 г. вышло Постановление ЦК КПСС «О мерах по улучшению отбора зарубежных граждан в учебные заведения нашей страны», после чего была введена конкурсная система отбора при приеме. По приглашению заинтересованных зарубежных стран Министерство высшего и среднего специального образования СССР направляло своих представителей для участия в отборе претендентов. Подобных же правил стало придерживаться и Министерство культуры. Однако, сфера культуры имела свою специфику, заключающуюся в том, что претенденты на зачисление в студенты или на стажировку должны были обладать не только общими знаниями, но, прежде всего определенными творческими способностями.

В июле 1971 г. по распоряжению коллегии Министерства культуры СССР ведущим учебным заведениям, находящимся в подчинении министерства, было рекомендовано создать специальные приемные комиссии, которые определяли бы уровень подготовки иностранных граждан. При этом механизм согласования результатов приемных испытаний предусматривал информирование ректорами творческих учреждений не только союзного Министерства культуры, но также Министерства высшего и среднего специального образования, через которое в конечном счете происходило зачисление абитуриентов. Весьма показательна в этом отношении информация ректора ГИТИС А.А. Рапохина, которую он направил одновременно и начальнику Управления по обучению студентов, аспирантов и стажеров зарубежных стран Министерства высшего и среднего специального образования СССР и начальнику Управления кадров и учебных заведений Министерства культуры СССР. Письмо, датированное 21 октября 1974 г., содержит оценку квалификации нескольких иностранных граждан, желающих обучаться в институте: «После предварительного просмотра абитуриентов из ДРВ Буй Куок и Игуен Ба Тхай, кафедра хореографии высказала мнение о нецелесообразности обучения их по специальности "Режиссура балета" в связи со слабой профессиональной подготовкой... Кападо Габриэль из Того может быть зачислен в качестве стажера» [8, оп. 9, д. 36, л. 5].

Несмотря на общие требования, в каждом творческом вузе существовал свой подход к организации приема иностранных студентов и стажеров. Это зависело не только от специфики вуза, но и от его возможностей приема иностранцев. Вместе с тем, в целом, в рассматриваемый период отмечалось общее ужесточение требований по отношению к поступающим иностранцам. Именно с повышением требований приема в конечном счете связывалось улучшение профессиональной подготовки основной массы студентов и стажеров. Кроме того, практически во всех вузах обязательным требованием стало хорошее знание русского языка [9, оп. 48, д. 85, л. 9].

Возвращаясь к вопросу о том, по каким каналам иностранцы направлялись для обучения или прохождения стажировки, следует сказать, что Министерство культуры также, как и Минвуз организовывало специальные командировки для отбора претендентов. Кроме того, зачастую профессора творческих учебных заведений, выезжая для участия в жюри международных конкурсов, а также для участия в совместных постановках или зарубежных гастролях делали необходимый отбор и затем давали рекомендации Министерству культуры СССР [9, оп. 48, д. 61, л. 5–6]. Как правило, они же впоследствии работали с отобранными иностранцами. Например, в ГИТИСе и Ленинградском государственном институте кинематографии (ЛГИК) иностранными студентами и стажерами занимались известные режиссеры и художественные руководители ведущих московских и ленинградских театров Ю.А. Завадский, И.М. Туманов, Г.А. Товстоногов, И.П. Владимиров и В.В. Меркурьев [9, оп. 48, д. 61, л. 14].

Еще один вариант попадания иностранцев в творческие вузы был через обращение в Министерство культуры СССР советских посольств, а также иностранных посольств в Москве. Любопытным примером может служить письмо посольства СССР в Аргентине от 6 июня 1974 г. Представитель посольства передает и поддерживает просьбу преподавателя классического и народного танца театра «Колон» в Буэнос-Айресе Марии Анхелика Кампо о предоставлении возможности стажироваться в течение двух лет при Большом театре [9, оп. 48, д. 115, л. 1].

В дальнейшей межведомственной переписке прослеживается механизм совместного принятия решения о приеме. Министерство культуры СССР, прежде чем дать положительный ответ, направило

письмо в УПОИС. Данное письмо в каком-то смысле можно квалифицировать как своеобразное ходатайство о приеме аргентинской преподавательницы на стажировку в Московское хореографическое училище [9, оп. 48, д. 115, л. 2]. После всех согласований, в том числе и с ректорами учебных заведений, для прохождения стажировки было определено Ленинградское академическое хореографическое училище им. Вагановой [9, оп. 48, д. 115, л. 3–4].

Разумеется, направляя ходатайства в Министерство культуры СССР, сотрудники посольств, чаще советники по культуре, руководствовались рекомендациями компетентных лиц. В 1981 г. посол в Испании Ю.В. Дубинин лично обратился к заместителю министра культуры Ю.Я. Барабашу с письмом такого содержания: «Уважаемый Юрий Яковлевич! Президент Международного конкурса пианистов г. Сантандера г-жа Паломо О'Ши обратилась в посольство СССР с просьбой о содействии в предоставлении пианисту Луису Анхелу Мартинасу возможности обучения в Московской консерватории, поскольку «он является лауреатом первой премии консерватории г. Мадрида выпуска 1978 г.» [9, оп. 35, д. 633, л. 9]. В ответ министерство культуры пообещало рассмотреть возможность стажировки для испанского пианиста «при условии включения его в квоту стипендиатов Минвуза СССР». Для чего Л.А. Мартинасу следовало направить соответствующие документы в Минвуз СССР, а также указать имеется ли в виду 2-х годичная ассистентура-стажировка или полный курс обучения» [9, оп. 35, д. 633, л. 11].

Достаточно часто в Министерство культуры СССР иностранные посольства обращались по вопросам продления стажировок, а также предоставления жилья и стипендии своим подданным. Весьма интересным представляется содержание письма посольства Аргентины в СССР о продлении на два года стипендии Московской государственной консерватории и музыкально-педагогического училища им. Гнесиных, предоставленных для скрипача Нестора Эйдлера и его жены пианистки Эрминии Диас [9, оп. 48, д. 115, л. 5]. На этот раз «маршрут» согласований был несколько иной и ограничился перепиской в рамках Министерства культуры СССР. Письмо с ответом на просьбу посольства начальник Управления кадров и учебных заведений Л.Г. Ильина направила начальнику Управления внешних сношений А.М. Дюжеву. В письме содержится согласие на продление стажировки и стипендии всего на один год и только для скрипача. При этом содержалось условие, что аргентинское посольство арендует квартиру для его семьи: «Не возражая против продления стажировки Нестора Эйдлера в Московской консерватории, Управление обращает внимание на то, что проживание семьи Нестора с маленьким ребенком в общежитии консерватории грубо противоречит правилам внутреннего распорядка общежития. Вопрос о продлении стажировки может быть решен положительно лишь после предоставления посольством Аргентины в Москве квартиры для семьи Нестора Эйдлера» [9, оп. 48, д. 115, л. 8].

Следует добавить, что решение о целесообразности продления или завершения стажировок принималось Министерством культуры на основе характеристик стажеров, запрашиваемых в учебных заведениях. Иногда преподавателями вузов давались рекомендации о необходимости перепрофилирования стажировки примерно такого содержания: «Трудно рассчитывать на значительные достижения в концертной эстраде, но можно надеяться на подготовку достаточно квалифицированного педагога, играющего на среднем уровне студента советского музыкального вуза» [9, оп. 48, д. 115, л. 16].

В отдельных случаях решение о продлении стажировки принималось по политическим мотивам. В этой связи показательным является обращение чилийки Лопес Илич с просьбой о продлении ее учебы в хореографическом училище Большого театра. Л. Илич обучалась в период с января 1972 по июнь 1973 г., а основным аргументом в пользу продления стажировки явилось то, что она покинула Чили после переворота и «в настоящее время вместе с матерью временно находится в Голландии» [9, оп. 48, д. 114, л. 7].

Надо сказать, что большую часть претендентов на обучение и стажировку из капстран принимали в рамках договоренностей о культурном и научном сотрудничестве. Например, в 1975 г. по рекомендации посольства США Управление внешних сношений Министерства культуры СССР представило в Управление внешних сношений Министерства высшего и среднего образования СССР список американских граждан, желающих пройти обучение в ведущих творческих вузах Москвы и Ленинграда. Причем в данном случае министерство культуры ставило в известность Минвуз СССР о том, какие учебные заведения согласны принять их по обмену. Выбраны были два кандидата: Спенсер Голуб (режиссер), распределенный в Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии и Чарлз Нейдин (кларнет), направленный для обучения в Московскую государ-

ственную консерваторию. Здесь важное значение имеет не сам список претендентов, а пояснения к нему: «Одновременно напоминаем, что окончательное решение о приеме граждан США в учебные заведения будет принято после ознакомления с их профессиональной подготовкой. Остальные кандидаты, предоставленные американской стороной, не могут быть приняты в связи с тем, что программой обменов между двумя странами на 1975–1976 гг. предусматривается обмен двумя специалистами в области культуры и искусства. При этом мы исходим из того, что Министерством культуры СССР может быть предоставлено такое же количество кандидатов для прохождения стажировки в США» [9, оп. 48, д. 119, л. 1]. Иными словами, первостепенное значение имело заранее оговоренное количество лиц, участвующих в обменах. В сопроводительных же документах представлено было еще трое претендентов на стажировку, причем уже одобренных ректорами: Нил Ларраби (фортепьяно), Шарлот Дуглас (изо), Ричард Алан Рейд (фортепьяно) [9, оп. 48, д. 119, л. 3].

Помимо оговоренного в соглашениях количества стажеров, именно согласие руководителей вузов являлось необходимым условием принятия на обучение. Весьма любопытным представляется ответ ректора ГИТИС А.А. Рапохина на частное обращение с просьбой о приеме. В данном случае представляется необходимым процитировать значительный фрагмент письма, для того чтобы учесть и другие возможные причины для отказа в зачислении, по мимо квоты, определяемой соглашениями. «Уважаемая г-жа Джоан Кристенсен – писал ректор, – Мы ознакомились с Вашим письмом и нам приятно, Ваше пожелание пройти курс актерского мастерства в ГИТИС. У нас учатся студенты-иностранцы на режиссерском и на театроведческом факультетах, а также на балетмейстерском отделении. К сожалению, на актерском факультете студентов-иностранцев мы до сих пор не принимали из-за сложности их обучения на русском языке. Однако, Вы можете поставить этот вопрос в соответствующих организациях Вашей страны» [8, оп. 9, д. 46, л. 2].

Продолжая тему образовательных обменов, следует сказать, что подготовка специалистов для европейских социалистических стран, чаще осуществлялась в форме взаимных обменов. Интересно, что к числу документов, которые имели отношение к определению участников образовательных обменов, относятся не только документы Министерства культуры СССР, но и документы Госконцерта СССР. В частности, при заключении специальных протоколов по гастрольному обмену, в них указывался в том числе и обмен стажерами. Так, существует Протокол переговоров Госконцерта с представителями чехословацких концертных агентств Прагоконцерта и Словконцерта, который определял планы культурного и научного сотрудничества с ЧССР на 1970 г. Одним из пунктов данного протокола предусматривалась стажировка деятелей культуры и искусства. Причем закреплялись предельные сроки стажировки – 18 месяцев, а также предельная численность стажеров – до 35 чел. [10, оп. 1, д. 1126, л. 19]. В этом же 5 пункте был определен также конкретный перечень учебных заведений, между которыми должен был быть произведен взаимный обмен стажерами. Например, Государственный музыкально-педагогический институт им. Гнесиных должен был осуществлять обмен с Государственной консерваторией в Праге; Ленинградский государственный институт им. И.Е. Репина – с Пражской академией изобразительных искусств; ЛГИК – с Высшей школой музыкального искусства в Братиславе; Киевский художественный институт – с Высшей школой изобразительных искусств в Братиславе [10, оп. 1, д. 1126, л. 22]. В дальнейшем вузы заключали между собой двухсторонние соглашения по различным направлениям сотрудничества.

К середине 1970-х гг. 106 советских вуза имели договоры о межвузовском сотрудничестве со 136 вузами стран членов СЭВ [7, с. 133]. В приведенную общую статистику вошла и статистика по культурному сотрудничеству, одним из видов которого считались обмены преподавателями, студентами и стажерами между ведущими творческими вузами.

Следует сказать, что творческие вузы предоставляли в Министерство культуры СССР планы двухстороннего сотрудничества, где более детально расписывались параметры обмена. Так, в 1969 г. был составлен план научного и культурного сотрудничества ГИТИС с Высшей театральной школой им. Ганса Отто (г. Лейпциг, ГДР) [8, оп. 9, д. 23, л. 1]. В соответствии с планом институты договорились о следующем:

1. Систематически обмениваться учебной и учебно-методической литературой, учебным планом и программами.
2. Оказывать содействие в подборе материалов для работы над современной драматургией.
3. Обмениваться группами студентов выпускных курсов с взаимным показом работ.

4. Обмениваться ежегодно представительствами в соответствии и на сроки, предусмотренные планом научного и культурного сотрудничества между СССР и ГДР с целью чтения лекций, обмена опытом работы, взаимных консультаций и т. д.

Надо сказать, что обмен студенческими группами выпускных курсов проходил в рамках ознакомительно-производственной практики и данный вид обмена с 1966 г. происходил на безвалютной основе.

Любопытным документом является договор об обмене группами студентов для прохождения производственной практики, заключенный между ГИТИСом и Высшей театральной школой им. Ганса Отто (ГДР, Лейпциг). Договор был заключен в марте 1973 г. на период до 1976 г. Из письма ректора Высшей школы «Ганса Отто» своему коллеге можно сделать вывод, что между ректорами осуществлялась предварительная договоренность по поводу взаимного обмена студенческими группами, которая предполагала установление сроков пребывания студентов. Численность же групп с обеих сторон определялась министерствами. «Согласно нашей недавней устной взаимной договоренности – писал ректор немецкой школы, – сообщаем о том, что наш взаимный обмен студенческими группами возобновляется с ноября с. г. Мы очень сердечно примем Вашу студенческую группу в период с 13 по 23 ноября с. г. В соответствии с договоренностью министерств культуры СССР и ГДР состав группы: 9 студентов и 1 преподаватель» [8, оп. 9, д. 33, л. 4].

Очевидно, что численность групп, зависела от востребованности специальности в вузах. Так, при обмене группами студентов режиссерских специальностей между ГИТИС и театральным институтом в НРБ (ВИТИС) договорились, что с болгарской и советской стороны в ознакомительной практике примут участие по 4 студента [8, оп. 9, д. 34, л. 1].

Кроме того, варьировались и сроки прохождения производственной практики. Если осуществить ознакомительную практику студентов актерского факультета ГИТИС в Лейпциге предполагалась в течение 10 дней, то обмен с НРБ предусматривал взаимное прохождение практики в течение месяца.

Помимо количества студентов и преподавателей, участвующих в обменах, а также сроков проведения ознакомительной и производственной практик, ключевое значение имело содержание практики. Здесь многое зависело от финансовых и кадровых возможностей вузов, а также от поддержки системы управления. Например, в августе 1974 г. в СССР была организована ознакомительно-производственная практика для студентов 3 курса Высшей школы графики и книжного искусства г. Лейпциг. Немецкие студенты должны были проходить практику на базе государственного художественного института Эстонской ССР в течение 20 дней. Перед переездом в Таллинн – место проведения практики – студенты посетили все крупные музеи Ленинграда: Смольный, Аврора, Эрмитаж, Петродворец и Русский музей. Заканчиваться же практика должна была в Москве посещением Третьяковской галереи [8, оп. 9, д. 33, л. 1].

Информацию о том, что представляла собой ознакомительная практика студентов театральных вузов, дает отчет преподавателей театроведческого факультета ГИТИС о пребывании в институте театрального искусства г. Братиславы [8, оп. 9, д. 44, л. 6]. В рамках ознакомительной практики советские студенты должны были посетить ряд занятий преподавателей братиславского института. В частности, они побывали на семинаре по театральной критике у профессора Крото, на занятиях по сценической речи у доцента Мравковой, а также присутствовали на репетиции у профессора Бора. Важным мероприятием практического характера стало присутствие студентов ГИТИСа на спектакле в учебном театре института «Редута», поставленном студентом режиссерского факультета, с участием студентов с актерского отделения. После спектакля состоялось его обсуждение, и особые споры, как пишет автор отчета, состоялись по поводу постановки «Дядя Ваня»: «Наши студенты, совершенно без помощи преподавателей, дали правильную оценку спектакля А. Хохова, искажающего великое произведение А.П. Чехова. Резко разошлись во мнении со своими братиславскими коллегами» [8, оп. 9, д. 44, л. 7].

В свою очередь в ГИТИСе в программе практики для иностранных студентов также были предусмотрены посещения репетиций главных режиссеров московских театров, причем не только тех, которые одновременно являлись руководителями курсов института. Например, в программе производственной практики для болгарских студентов были предусмотрены посещения репетиций спектаклей Ю.А. Завадского в театре Моссовета, Б.И. Ровенских в Малом театре, А.А. Гончарова в театре Маяковского, а также С.В. Образцова в Центральном государственном театре кукол [8, оп. 9, д. 34, л. 10].

Помимо студенческой практики, в рамках образовательных обменов между отдельными учебными заведениями, предполагалась также организация методического сотрудничества. В феврале 1975 г. ректор ГИТИС проинформировал союзное министерство культуры о том, что Дирекция Пражской консерватории обратилась к ним с предложением организации взаимного обмена не только студенческими группами, но и педагогами. В письме ректор указал, что консерватория обратилась в ГИТИС с подачи профессора Г.П. Ансимова, известного режиссера музыкального театра, который перед этим посетил консерваторию, будучи в Праге. Однако одновременно аналогичное предложение поступило от Пражской Академии музыкальных искусств, имеющей в своем составе театральный факультет. При заключении договора об обмене выбор был сделан в пользу Академии и устные предварительные переговоры велись уже в Москве [8, оп. 9, д. 44, л. 1–3]. В порядке безвалютного обмена с 5 по 14 ноября 1975 г. преподавателями театроведческих факультетов должны были читаться краткие курсы по истории русского, советского и чешского (так в документе, – *Н.Б.*) театров [8, оп. 9, д. 46, л. 7].

Согласно отчету о культурном сотрудничестве ГИТИС с Лейпцигской балетной школой, который бы составлен сотрудниками кафедры хореографии, можно сделать вывод, что обмен преподавательскими кадрами предполагал и более длительные командировки последних. В отчете указано, что преподаватель кафедры Прибылов работал в Лейпцигской балетной школе в качестве педагога и методиста и за время его пребывания в ГДР им было сделано 2 выпуска артистов балета. Кроме того, были также организованы заочные курсы подготовки для педагогов и балетмейстеров по системе балетмейстерского отделения ГИТИС [8, оп. 9, д. 42, л. 10].

Побывавшие по обмену преподаватели в своих отчетах нередко давали рекомендации по улучшению качества проведения практики, а также фиксировали положительный опыт приема и обучения, который они наблюдали в иностранных вузах. Например, после ознакомительной практики в Чехословакии, преподаватели ГИТИС дали министерству культуры рекомендацию, что в дальнейшем посылать театроведов в Братиславский театральный институт нецелесообразно, в связи с тем, что там театроведческие группы набирают через год и они очень немногочисленны: «Гораздо полезнее в смысле взаимности обменов посылать туда студентов с факультета, готовящего артистов музыкального театра, поскольку институт в Братиславе по преимуществу готовит музыкантов и вокалистов [8, оп. 9, д. 44, л. 8].

Особый интерес представляет также отчет о командировке в Высшую театральную школу Ганса Отто доцента кафедры мастерства актера ГИТИС з. а. РСФСР Л.Г. Топчиева. Прежде всего преподаватель отметил, что в немецкой театральной школе прием желающих поступить проводится фактически весь год [8, оп. 9, д. 42, л. 2]. Кроме того, он указал на ряд различий в требованиях к приему и в программах обучения: «Сопоставляя количество часов, отводимых для занятий по вокалу и сценической речи, убеждаемся, что у нас на эти предметы отводится примерно в два раза меньше часов, чем у них... Количество часов на занятия по движению дисциплинам у них также несколько больше, чем у нас. Все это вместе взятое и помноженное на работоспособность и дисциплинированность немецких студентов дает положительные результаты. К этому нужно добавить, что, принимая в театральную школу юношу или девушку, наши коллеги придают большое значение природным данным абитуриента. Иными словами, поступающий, который обладает плохим голосом и существенными недостатками дикции, не имеет никаких шансов быть принятым в театральную школу» [8, оп. 9, д. 42, л. 1].

Насколько можно судить по переписке сотрудников Министерства культуры СССР с руководителями учебных заведений, последними не приветствовалось краткосрочное прохождение стажировок. Примером может служить письмо заместителя начальника Управления кадров и учебных заведений, направленное в апреле 1975 г. ректору ГИТИС, в котором он просит сообщить мнение института о возможности принять стажера сроком на 1 месяц. В письме речь шла о действующем педагоге Академии музыкальных искусств г. Праги Ольги Пасковой, которая выразила желание стажироваться в СССР по классическому танцу [8, оп. 9, д. 46, л. 4]. Из приложенной к письму программы пребывания следовало, что изначально чешский педагог собиралась сотрудничать с хореографическим училищем в Перми при Пермском театре оперы и балета им. Чайковского. Но, очевидно, появилась необходимость обратиться за сотрудничеством в ГИТИС. В данном случае интересен не только ответ ректора, о нецелесообразности принимать гражданку ЧССР на стажировку на такой короткий срок, но и комментарий, сделанный на запросе Министерства культуры. На письме начальника Управления

кадров и учебных заведений была оставлена своеобразная резолюция, написанная от руки, вероятно, сотрудником хореографического факультета: «Учеба – это не туризм. Отказать!» [8, оп. 9, д. 46, л. 6].

Вместе с тем существует интересный документ, который заставляет предполагать, что обращение в ГИТИС вместо училища при пермском театре не было инициативой самой соискательницы. В этом документе описан подобный случай обращения в ГАБТ со стороны венгерских дирижеров с просьбой принять их на стажировку. Только в данном случае переписка осуществлялась между Управлением внешних сношений и Управлением музыкальных учреждений Министерства культуры СССР: «На Ваш № 8/7834 по поводу стажировки венгерских дирижеров Яноша и Ласло Ковачей в ГАБТ СССР у Ю.И. Симонова Управление музыкальных учреждений сообщает, что Симонов считает не целесообразным прохождение кратковременной стажировки в ГАБТ. Таковую стажировку Симонов предложил провести под его руководством в Московской консерватории. Управление поддерживает предложение т. Симонова» [9, оп. 46, д. 122, л. 56]. Как отнеслись к предложению о возможности переноса кратковременной стажировки в консерваторию в самой консерватории, осталось не ясным.

Следует сказать, что обмен стажерами с капиталистическими странами в отличие от соглашений с соцстранами редко происходил в форме двухсторонних договоров между образовательными учреждениями. С советской стороны в соглашении участвовало Министерство культуры СССР. Второй стороной договора могло быть зарубежное учебное заведение. Например, Венская академия музыки и искусства, куда с 1965 г. выезжали на стажировку наиболее одаренные молодые дирижеры [9, оп. 48, д. 26, л. 3]. Но чаще соглашение о стажировках заключалось с ведущими европейскими театрами, которые имели собственные учебные подразделения. Так, по обмену наши вокалисты выезжали стажироваться в миланский театр Ла Скала и Венскую государственную оперу, которые располагали своими академиями. В СССР, как правило, приезжали совершенствоваться балетмейстеры и танцовщики, желая попасть на обучение в Большой театр. В отчете Управления внешних сношений о культурном сотрудничестве с Италией за 1975 г. значилось, что «стажировку в Ла Скала продолжили певцы: М. Пальм (Эстония), А. Сегибин (Казахстан) и Ю. Статник (Молдавия). В октябре выехали: Кочерга (УССР), Керимов (Азербайджан) и Л. Щербина (Москва)... Из Италии в Московском хореографическом училище в 1974–1975 гг. были 8 чел.» [9, оп. 35, д. 96, л. 14].

В другом отчете Управления за 1979 г. значились только цифры, без указания фамилий: «В текущем году на стажировку в Ла Скала было направлено 4 чел., а в Московское хореографическое училище было принято 5 итальянских балерин». Кроме того, было указано, что «наши певцы вернулись со стажировки досрочно в ноябре» [9, оп. 35, д. 204, л. 10]. Культурное сотрудничество с Италией на уровне официальных соглашений было прервано на год, но уже в 1981 г. между Ла Скала и Министерством культуры СССР был составлен новый договор об обмене стажерами. В начале сентября в Московское хореографическое училище прибыли 5 итальянских танцовщиков, а 19 ноября в Милан для прохождения стажировки вылетели певцы В. Попов (Москва) и Балжинимае (Улан-Удэ), а также И.Х. Рамаат (Таллинн) и В. Хомирики (Тбилиси), которые ранее вынуждены были прервать стажировку [9, оп. 35, д. 364, л. 14].

В настоящей статье не рассматривается вопрос отбора советских специалистов для стажировок по обмену. Связано это прежде всего с тем, что документы такого рода находятся преимущественно в фондах сценических коллективов, доступ к которым существенно ограничен, поскольку действует закон о «персональных данных»³. Однако из приведенных документов видно, что Министерство культуры старалось соблюдать баланс представительства стажеров из различных союзных и автономных республик.

Что касается студенческих образовательных обменов, то, очевидно, что одним из каналов отбора могло стать участие наших студентов и аспирантов в международных конкурсах и зарубежных гастролях. Так, в 1981 г. студенты и аспиранты Московской государственной консерватории приняли участие в Международном фестивале театра, музыки и кино во Фьезоле (Флоренция) [9, оп. 35, д. 364, л. 1].

Завершая анализ сложившихся практик подготовки иностранных специалистов и образовательного обмена в области профессионального искусства, заметим, что во второй половине 1960-х – пер-

³ Не выдаются документы, касающиеся и иностранных стажеров, если они также имеют отношения к фондам театров. Например, в фонде 648 (ГАБТ СССР) существует переписка с Госконцертом, в которой фигурируют фамилии иностранных артистов, прибывших на стажировку в СССР.

вой половине 1980-х гг., увеличение численности иностранных студентов и особенно стажеров было связано с двумя основными причинами. Прежде всего в этот период происходила существенная интенсификация межгосударственного сотрудничества в сфере образования и культуры. Причем не только между СССР и социалистическими государствами, но также активно заключались соглашения об обменах с ведущими западными странами. Если речь шла об обменах с социалистическими странами, то общие планы культурного и научного сотрудничества затем трансформировались в прямые контакты между творческими вузами, осуществляемыми, как правило, на безвалютной основе. Непосредственные контакты имели форму двухсторонних соглашений и предусматривали обмен студентами и преподавателями в рамках обучения и прохождения производственной практики, а также обмен специалистами в виде прохождения стажировок. Что касается других стран, то претендентов на стажировку рекомендовали посольства, но сами стажировки также планировались в рамках соглашений о культурном и научном сотрудничестве. Наши специалисты по обмену направлялись стажироваться Министерством культуры СССР в академические учебные заведения, а также в ведущие европейские театры, такие как Ла Скала и Венская государственная опера, которые имели своих педагогов для оказания необходимых образовательных услуг.

Вторая причина увеличения численности иностранных студентов и стажеров – это престижность самой образовательной системы. Несколько направлений профессиональной подготовки в сфере сценического и музыкального искусства продолжали оставаться исключительно востребованными для зарубежных стран, даже имеющих собственную систему подготовки специалистов по данным специальностям. Можно с уверенностью утверждать, что количество желающих пройти стажировку в СССР по направлениям подготовки «музыка» и «хореография», существенно превышали возможности советских творческих вузов. Несмотря на то, что ужесточились требования к приему иностранцев на обучение и стажировку, количество иностранных учащихся в системе Министерства культуры СССР во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. существенно увеличилось.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андросова Д.Н. Из истории обучения африканских студентов в СССР (конец 1950-х – первая половина 1960-х гг.) // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2012. Вып. 4 (84). С 193–201.
2. Анохина Т.Я., Панин Е.В. История и особенности обучения иностранных студентов в советских и российских вузах // Вестник РУДН. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2014. № 4. С 134–142.
3. Аппарат ЦК КПСС и культура. 1973–1978: Документы. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2012. 607 с.
4. Аргументы и факты. 1988. 23 июля. № 30.
5. Белов В.А. Подготовка кадров для зарубежных стран в советских вузах: вторая половина 1960-х – конец 1980-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 267 с.
6. Белошапка Н.В. Проблемы подготовки творческих кадров в СССР во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. // Вестн. Удм. ун-та. Сер. История и филология. 2017. Т. 27, вып. 1. С. 53–61.
7. Петрик В.В. Высшее образование СССР как фактор укрепления международного сотрудничества в области подготовки специалистов (конец 50-х – начало 90-х гг. XX в.) // Вестник ТГПУ. Сер.: Педагогика. 2007. Вып. 7 (70). С. 132–136.
8. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Фонд 650. (ГИТИС).
9. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Фонд 2329. Министерство культуры СССР.
10. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Фонд 3162. Государственное концертное объединение (Госконцерт СССР).
11. Хрипун В.А. Иностранные студенты в вузах Ленинграда в 1950-е – середине 1960-х гг. // Труды Исторического факультета СПбУ. 2013. С. 280–293.

Поступила в редакцию 22.07.2022

Белошапка Наталья Владимировна, кандидат исторических наук,
доцент кафедры политологии, международных отношений и всеобщей истории
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: history-070002@yandex.ru

N.V. Beloshapka

**LATE SOVIET PRACTICES OF TRAINING FOREIGN SPECIALISTS
AND EDUCATIONAL EXCHANGES IN THE FIELD OF PROFESSIONAL ART**

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-3-627-640

This article examines the subjects related to the practice of training foreign specialists in the field of stage and musical art that has developed in the USSR. The author presents data concerning the period of the second half of the 1960s and the first half of the 1980s, which allow us to determine the dynamics of the number of students from foreign countries, as well as the most priority areas of training chosen by foreign students and trainees. When studying these problems, mainly archival materials of the USSR Ministry of Culture were used, as well as published documents of the Department of Culture of the Central Committee of the CPSU. From the analysis of a number of cases, it can be concluded that during the period under review, educational exchange in the field of professional art was not only one of the priority points of agreements on cultural cooperation, but also became the defining form of training foreign specialists, both for developed capitalist and European socialist countries.

Keywords: creative universities, stage and musical art, higher professional education in the USSR, foreign trainees, interstate educational exchange.

REFERENCES

1. *Androsova D.N.* Iz istorii obucheniya afrikanskikh studentov v SSSR (konec 1950-x – pervaya polovina 1960-x gg.) [From the history of teaching African students in the USSR (the end of the 1950s and the first half of the 1960s)]. Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kulturalogiya. Vostokovedenie [Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: History. Philology. Cultural studies. Oriental studies], 2012, issue 4 (84), pp. 193–201. (In Russian).
2. *Anokhina T.Y., Panin E.V.* Istoriya i osobennosti obucheniya inostrannikh studentov v sovetskikh i rossiiskikh vuzakh [History and features of teaching foreign students in Soviet and Russian universities]. Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazika. Semiotika. Semantika [Bulletin of RUDN. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics], 2014, no. 4, pp. 134–142. (In Russian).
3. Apparat CK KPSS i kultura 1973–1978 gg. Dokumenty. Tom 2 [The Apparatus of the Central Committee of the CPSU and culture. 1973–1978: Documents. Vol. 2]. Moscow, “ROSSPEN” Publ., 2012, 607 p. (In Russian).
4. Argumenty i fakti [Arguments and facts], 1988, July, 23, no. 30. (In Russian).
5. *Belov V.A.* Podgotovka kadrov dlya zarubezhnykh stran v sovetskikh vuzakh: vtoraya polovina 1960-x – konec 1980-x gg.: dis. ... kand. ist. nauk [Training of personnel for foreign countries in Soviet universities: the second half of the 1960s – the end of the 1980s: learned. step. Candidate of History]. Moscow, 2000, 267 p. (In Russian).
6. *Beloshapka N.V.* Problemy podgotovki tvorcheskikh kadrov v SSSR vo vtoroi polovine 1960-x – pervoi polovine 1980-x gg. [Problems of training creative personnel in the USSR in the second half of the 1960s and the first half of the 1980s]. Vestnik UDGU. Ser. Istoriya i filologiya [Bulletin of the Udmurt University. Ser. History and philology], 2017, vol. 27, issue 1, pp. 53–61. (In Russian).
7. *Petrik V.V.* Visshee obrazovanie v SSSR kak faktor ukrepleniya mezhdunarodnogo sotrudnichestva v oblasti podgotovki specialistov [Higher education of the USSR as a factor of strengthening international cooperation in the field of training specialists (late 50s-early 90s of the twentieth century)]. Vestnik TSPU. Seriya: Pedagogika [Bulletin of TSPU. Series: Pedagogy], 2007, issue 7 (70), pp. 132–136. (In Russian).
8. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva (RGALI). Fond. 650 (GITIS) [Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Foundation 650. (GITIS)]. (in Russian, unpublished).
9. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva (RGALI). Fond 2329. Ministerstvo kultury SSSR [Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Foundation 2329. Ministry of Culture of the USSR]. (in Russian, unpublished).
10. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva (RGALI). Fond 3162 [Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Foundation 3162. State Concert Association (State Concert of the USSR)]. (in Russian, unpublished).
11. *Khripun V.A.* Inostrannie studenti v vuzakh Leningrada v 1950x – seredine 1960x [Foreign students in Leningrad universities in the 1950s – mid 1960s]. Trudi Istoricheskogo fakulteta SPbU [Proceedings of the Historical Faculty of SPbU], 2013, pp. 280–293. (In Russian).

Received 22.07.2022

Beloshapka N.V., Candidate of History, Associate Professor of the Department of Political Science,
International relations and The World History
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: history-070002@yandex.ru